Жил-был молодой человек. Он учился на поэта и хотел стать поэтом к пасхе, а потом жениться и зажить доходом от своих сочинений. Сочинять — значит придумывать что-то новое, это он знал, вот только придумывать не умел.

Слишком поздно он родился, все уже было разобрано до того, как он появился на свет, все воспето, обо всем написано.

— Как счастливы были те, что родились тысячу лет назад! — говорил он.

— Им не трудно было стяжать бессмертие! Даже тех, кто родился сто лет назад, можно считать счастливыми: все-таки тогда еще оставалось много такого, о чем можно было писать. А теперь все сюжеты для поэзии исчерпаны — о чем же я стану писать?

И до того он доучился, бедняга, что извел себя вконец и заболел. Ни один врач не мог ему помочь, разве что знахарка. Жила она в маленьком домике у шлагбаума, который должна была поднимать перед всадниками и экипажами. Но она умела открывать не только шлагбаум и была умнее самого доктора, ездившего в собственном экипаже и платившего налог за звание.

— Надо пойти к ней! — решил молодой человек.

Жила знахарка в маленьком, чистеньком домике без затей: ни дерева рядом, ни цветов. У дверей только улей — вещь очень полезная! И маленькое картофельное поле — вещь тоже очень полезная! А еще была тут канава, поросшая терновником. Терновник уже отцвел и был усыпан ягодами, от которых сводит рот, если отведать их до того, как их прихватит морозом.

«Вот воплощение нашего лишенного поэзии века!» — подумал молодой человек, и это уже была мысль, золотое зерно, найденное на пороге дома знахарки.

— Запиши ее! — сказала она. — И крошки тоже хлеб! Я знаю, зачем ты пришел: ты не умеешь ничего придумывать, а хочешь стать к пасхе поэтом!

— Обо всем уже написано! — сказал он. — Наше время не то, что доброе старое время!

— Конечно, нет! — отвечала знахарка. — В старые времена знахарок сжигали, а поэты ходили голодные, с продранными локтями. Наше время лучше, самое лучшее. Но у тебя нет правильного взгляда на вещи, нет острого слуха. Есть о чем петь и рассказывать и в наше время, надо только уметь рассказать. А мысли можно черпать где хочешь — в злаках и травах земных, в текучих и стоячих водах, надо только уметь, надо уметь поймать солнечный луч. На вот попробуйка мои очки, приставь к уху мой слуховой рожок и перестань думать только о самом себе.

Не думать о самом себе было трудненько, удивительно, как такая умная женщина могла даже потребовать этого.

Он взял очки и рожок и вышел на середину картофельного поля. Старуха дала ему большую картофелину. В картофелине звенело. Затем послышалась песня со словами — история картофелин, очень интересная будничная история в десяти строках; десяти строк было достаточно.

О чем же пела картофелина?

Она пела о себе и своей семье, о тем, как картофель впервые появился в Европе, и о том презрении, какое ей довелось испытать, пока ее не признали за дар, более драгоценный, чем золотые самородки.

— По повелению короля нас раздавали в ратушах всех городов, всем было объявлено о нашем великом значении, но этому никто не верил, не знали даже, как нас сажать. Одни рыли яму и бросали в нее целую меру картофеля. Другие совали в землю одну картофелину здесь, другую там и ждали, что из каждой вырастет целое дерево, с которого можно будет стряхивать плоды. Появлялись отдельные кусты, цветы, водянистые плоды, остальное же погибало. Никому не приходило в голову порыться в земле, поискать там настоящие картофелины... Да, мы много вынесли и выстрадали, то есть не мы, а наши предки, но ведь это все едино.

— Вот так история! — сказал молодой человек.

— Ну, хватит, пожалуй. Теперь посмотри на терновник!

— У нас тоже есть близкие родственники на родине картофеля, но только севернее, — рассказывал терновник. — Туда явились норманны из Норвегии, они направились на запад сквозь туманы и бури в неведомую страну и там, за льдами и снегами, нашли травы и зеленые луга, кусты с темно-синими винными ягодами — терновник. Его ягоды созревали на морозе, как созреваем и мы. А та страна получила название Винланд — «Винная страна», или Гренландия — «Зеленая страна».

— В высшей степени романтическое повествование! — сказал молодой человек.

— Да, а теперь поднимись на насыпь, что возле канавы, — сказала старуха, — да погляди на дорогу, ты увидишь там людей.

— Вот так толпа! — сказал молодой человек. — Да тут историям конца не будет. Шум, гам! У меня просто в глазах рябит. Я лучше отойду назад.

— Нет, шагай вперед! — сказала старуха. — Шагай прямо в людскую толчею, пусть твои глаза и уши будут открыты и сердце тоже, тогда ты скоро что-нибудь да придумаешь. Только прежде чем идти, давай-ка сюда мои очки и слуховой рожок!

И она отняла у него то и другое.

— Теперь я ровно ничего не вижу! — сказал молодой человек. — И ничего не слышу.

— Ну, тогда не сделаться тебе к пасхе поэтом.

— А когда же?

— Ни к пасхе, ни к троице! Тебе никогда ничего не придумать!

— Так за что же мне взяться, если я хочу зарабатывать на поэзии?

— Ну, этого-то ты можешь добиться хоть к масленице! — сказала старуха. — Трави поэтов! Рази их творения, это все равно что разить их самих. Главное, не дрейфь! Бей сплеча и тогда сколотишь деньжонок, чтобы прокормить себя и жену.

— Чего только не придумают! — сказал молодой человек и ну колотить поэтов направо и налево, раз уж сам не мог заделаться поэтом.

Все это нам поведала знахарка; кому же, как не ей, знать, чего только не придумают.